

УДК 811.35

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-59-64

ТРУДНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА И СТИЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗА Б. МАЗИХОВА «БОЖИЙ ЛИК»

Алхасова Светлана Мтихайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alhas55@mail.ru

В статье ставится задача рассмотреть разные подходы к художественному переводу. В частности, некоторые исследователи подчеркивают, что переводчик должен в совершенстве владеть языком оригинала (родным языком), так как он находится в постоянном контакте с этим материалом, и его подстерегает соблазн калькирования форм этого языка. Исторически сложилось так, что нередко происходит восприятие и усвоение чуждых языковых форм. Это касается многих переводов прозы с русского языка на кабардино – черкесский язык. Вторжение чуждых форм, происходящее в период постоянных взаимоотношений с другим языком, как правило, влечет за собой искажение и исчезновение естественных форм родного языка. Часть исследователей считает, что вторжение иноязычных элементов развивает и обогащает язык. Они доказывают, что проникновение новых идей и понятий сопровождается внесением новых элементов. Однако развитие языка происходит благодаря его внутренним возможностям, заложенным в самом языке путем выявления собственных форм и их навыков, а не копированием или калькированием чуждых форм. Поэтому задача автора статьи состоит в том, чтобы выявить, что является единицей перевода в данном случае: дух произведения или его лексико-семантическая матрица, в зависимости от теоретического подхода к данному тексту.

Ключевые слова: Перевод, оригинал, калькирование, рассказ, идейно-тематическое содержание, кабардино-черкесская литература.

Один из лучших рассказов Бориса Мазихова в сборнике «Ночь безлунная» – это рассказ «Тхьэнапэ» («Божий лик» или «Икона») [2]. В нем повествуется о судьбе кабардинки Зили, ставшей женой осетина Сослана. Происходит столкновение религиозных интересов супругов, конфликт разгорается из-за разности вероисповедания. Мусульманка Зили вышла замуж за христианина Сослана. Конфликт доводит до разрыва между любящими супругами. На первый взгляд, кажется, что суть конфликта состоит именно в разности религиозной веры: чья вера лучше, правильнее. В доме Сослана висит икона. Мать Сослана набожная христианка, которая не только молится перед иконой, но и крестится (как и положено) перед каждой трапезой. Теперь свекровь пытается заставить новоявленную невестку тоже сложить пальцы в пучок и перекрестится по-христиански... Однако и замысел рассказа, и его содержание гораздо глубже. Рассказ «Божий лик» о высокой нравственности, любви, преданности и предательстве, о борьбе нового поколения со старым.

Вот почему в процессе перевода с кабардино-черкесского на русский рассказа «Божий лик» Б. Мазихова пришлось расставить несколько иначе акценты, провести

«чистку» по всему тексту. Хотя акценты изменены в небольшой мере, рассказ стал строже по форме. В рассказе была неясно выраженная позиция автора, в результате чего у читателя могло создаться впечатление, что конфликт разгорелся все же из-за веры: чья религия лучше, христианская или мусульманская. Вот поэтому мы сделали акцент на идейно-нравственной части семейных взаимоотношений. Рассмотрим подходы к данному переводу.

В оригинале:

Н. 85. « – Сьт лажэ мыгъуэ къэхуар?

– Къэхуари? – Зилэ и щхьэр къеIэт, а сыхьэтым и нэр плланэпэм фIэль тхьэнапэм хуозэ. Тхьэнапэм абы нащхьэ кыхуещIри IупшIэ ещIыж, и Iупэхэр хишу кышодыхэшх. Шынэуз зэфыкIым ещхуэ, Зилэ и Iэхэр и нэм IуепIэ.

– АфIэклa схуэхьыжынкъым, ща-э, емыкIу сыхьыумышI!..»

Перевод на русский язык:

«– Что стряслось? – Зиля подняла голову и тут же ее взгляд невольно повернулся к темному, ненавистному ей углу, где висит икона. Изображение на иконе подмигивает ей, оттопыренные губы насмешливо вытянуты, по-старушечьи, противно так ... Зиля, будто не в своем уме, закрывает лицо руками.

– Я больше не могу, не могу!..»

На первый взгляд может показаться, что между оригиналом и переводом есть сильные различия. Ведь именно в попытке наиболее точного и адекватного воспроизведения смыслового содержания оригинала и заключаются творческие возможности переводчика. Но здесь особый случай: рассказ следовало перевести на другой язык так, чтобы донести до читателя главную идею рассказа, которая при этом скрыта глубоко, она не на поверхности. Понятно, в каком трудном положении оказался переводящий.

Существует еще *свободный, или вольный* перевод. Он применяется в особых случаях, когда не требуется передачи стиля подлинника, или когда воспроизведение стилистических особенностей оригинала сопряжено с большими трудностями (например, при переводе старинных, фольклорных, к примеру, текстов), или когда перевод делается для информации узкого круга лиц. В вольном переводе можно сокращать подлинник, опуская второстепенные подробности и интерпретируя трудные для понимания места. Конечно, вольный перевод специальных текстов может быть квалифицированно выполнен лишь специалистом. Адекватный (полноценный) перевод А.В. Федоров определяет как «перевод, соответствующий подлиннику по функции» [4, 159]. По «функции» – означает, что предполагается полноценность передачи текста по выбору средств переводчиком (полноценность языка и стиля). Как мы увидим далее, функциональная точность, характерная «для адекватного перевода, не только допускает, но нередко и требует отказа от формальных словарных соответствий. Именно через функциональные соответствия подлиннику достижимо воссоздание единства содержания и формы на другой языковой основе. При этом важно помнить, что перевод – не простое механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный сознательный отбор различных возможностей их передачи» [4, 157]. Таким образом, исходной точкой перевода должно быть «...целое представление об оригинале, а не отдельные его элементы» [4, 159]. Не следует думать, что сказанное об адекватности перевода имеет отношение только к переводу художественной литературы. Как указывает В. Федоров, даже научно-технический и научно-популярный текст, простая газетная информация обладают своим стилем, который должен быть воспроизведен в переводе. Но конечно, это должен быть стиль, свойственный данному жанру в языке перевода.

Посмотрим, какими средствами эта адекватность перевода достигается в конкретных случаях.

Н. 86. «Зилэ и япэ льягъуныгъэм куэд мыщIэу псоми игу лъатащ. Абы Сослан зэрщIыгъу сыхьэт зы-тIур къемэщIэкI хьуат. Зилэ и нэр льягъуныгъэм

кыщхьэрпхъуат. И къуажэгъу хьыджэбзым: «Ар осетинщ, уэ уадыгэщ, уишапэми, дауэ узэрыдэкІуэнур?» – кыщыжриІэм, тхьэмахуэ псокІэ епсэлъэжакъым, абы иужькІи и гурыль хуиІуэтэжакъым. «ФІыуэ пльагъумэ, зыщыщ лъэпкъыр сытым шыщ? Лъагъуныгъэр бзэ щхьэхуэ хуей?» – жиІэу ежъэжат».

Перевод на русский язык:

«А ведь было, было иное время, вспоминает Зиля. Чудесное то было время! Два-три месяца, которые она прожила тогда, стоят всей жизни. Это были дни, когда она познакомилась с Сосланом. Зиля жила словно во сне, нет, не по земле она ходила, а подобно ласточке, почувствовавшей раннюю весну, летала, летала. Любовь Зили заметили. Односельчанка однажды сказала ей: – Он осетин, ты адыга, неужто пойдешь?».

Зиля обиделась, целую неделю не говорила с ней, и больше своих мыслей ей не доверяла. «Если любишь, разве важно, на каком языке он говорит? У любви свой, особый язык», – решила она, не замечая, что это не ее слова, а давно другими сказаны, но она принимала их как свои. В том, что и Сослан ее любит, никто не сомневался».

По существу, это предложение содержит два сообщения, и по-русски логичнее передать их отдельно. Для кабардино-черкесского языка, разумеется, более свойственно начинать сообщение с подлежащего, а не с второстепенных членов предложения, как в русском языке. В данном случае – с обстоятельств времени и места. Здесь мы уже поставлены перед полной «невозможностью хотя бы для проверки понимания воспользоваться предварительным дословным переводом, так как он приводит к абсурду» [3, 158].

Как мы видим, соответствие подлиннику достигается и путем полного изменения конструкций текста, и путем замены и добавления слов и понятий. В других случаях может понадобиться и исключение слов подлинника. Важно упомянуть о закономерности замены образов при переводе.

Сущность адекватного перевода очень метко и правильно была в свое время выражена еще В.Г. Белинским: «Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы верно передать иной образ или фразу, в переводе их иногда должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же, как и соответствующая фраза, состоит не всегда в видимой соответствии слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального» [1, 295]. Под «духом» подлинника, который Белинский противопоставляет его букве, он, очевидно, понимает его идейное содержание и стиль. К примеру:

Н. 87. «Дауэдапщэр зэфІэкІыу зыхыхьа унагъуэм шыщ хъуауэ гуащэм и деж шыщІыхьэм, цІыхубз хьэлү, абы пэшыр щэхуу зэпиплъыхьаш. КъаскІэри мусльымэн адэ-анэм къызэралъхуар занщІэу игу къэкІыжаш, игъашІэм дин къридзэу шымыта пэтми: жьантІэ плІанэпэм тхьэнапэ шыфІэдзат, абы и бгъум кІэртоф уэздыгъэнэф цІыкІу шыблэрт. Гуащэм къыжриІэр зэхимыхьажу Зилэ и лъэр щІэщІащ: «Сэри джэур сыхъуауэ ара?» А гупсысэр и щхьэм илъу, ищІэри жиІэри имыщІэжу абы жэщ игъэхуащ. Сослан къызэрысыжу гъуэгъу зыпщІэхидзаш.

– Сыт уэ абы щхьэкІэ ущІэнэщхьейр, Зилочкэ? – дыхьэшхаш Сослан. – Сыт си чыристан, уэри сыт уи мусльымэн? Ар – ди анэрщ. УемылІалІэ. Уэ зыми зыкІи ухигъэзыхьыркъым, – жиІэурэ ІэплІэ къришэкІри и нэпсхэр бакІэ игъэгъушыжаш.

Сослан хуиІэ лъагъуныгъэмрэ щІалэгъуэмрэ тІэкІу-тІэкІуурэ ар и плэм ирагъэуэжаш. Ауэ гуащэм и пэшым щІыхьэху тхьэнапэм и щІыб зэрыхуигъэзэнэм яужь итт. ІуплъэхукІэ, абы и гукъыдэжыр къыкътэрт».

Перевод на русский язык:

«Прошли свадебные торжества, Зиля вошла в другую семью, переступила новый порог, и, войдя к свекрови, по-женски оглядела комнату. И застыла, заметив в

углу небольшой образок, вспомнилось, что родилась от мусульман, хотя и не так уж часто пробуждались в ней религиозные чувства. В углу, в полумраке, висел образ, сбоку горела маленькая лампадка. Зиля не слышала, что говорит ей свекровь, ноги ее дрожали. «Неужели я стала гяуркой?» – думала она. И как только вернулся Сослан, бросилась ему на шею, и тихонечко даже всплакнула.

– Ну стоит ли из-за этого расстраиваться, – засмеялся Сослан, – какой же из меня христианин, и какая из тебя мусульманка?! Ну, а мать, она, конечно... – не договаривал он до конца, уходил от чего-то, прятал как бы, трусил. И что-то горькое осталось на сердце у Зили, какая-то досада...».

На первый взгляд перевод далек от оригинала. Более того, может показаться, что здесь присутствует языковая небрежность и неряшливость стиля. Однако вдумавшись в текст глубже. Чтобы не отрешиваться от «непонятного и трудного» в теории перевода [25], как некоторые переводчики-практики, предпочитающие избегать объяснения, объясним, почему переводчик пошел по данному пути.

Вот пример:

Н. 88. « – АтІэ, тхьэшхуэ Георгий фыкьихьумэ. Іэпэ жор фщІыи федзакъэ, – жиІаш.

Сослан Іэпхьуамбищ зэгуэльымкІэ жор ищІри стэкан цыкІур иІэтащ. Зиля, мывэу жам ещхьу щыст, стІол лъабжьэм щІэплъэу. Асыхьэтым и анэр щІэкІати:

– Уи Іэм ушысхьрэ, щІы жыхуиІэм хуэдэу, слІо уи гугъэ абы кыкІыр? Хьэмэ сэ дин си фІэш хьу уфІэшІрэ? Ди анэм и жагъуэ сымышщІыну аркъудейщ. Уэри нобэ абы и жагъуэ умыщІ, – ехьуэцащ ар Зилэ.

Адрейри кьыщІыхьэжати мыэрэзыуэ и нысэм:

– Узыыхьам я хабзэр пщІэн хуейщ, тІэсэ, пщІэрт узыдэкІуэр, – жиІэри кьехьурджэуаш. Зилэ Сослан дежкІэ плъащ: абы и нитІыр лъаІуэрт. Зиля бжьын жылэ хисэм ещхьу и Іэпхьуамбищыр зэгуилъхьэри кыиІэтащ, удын хьэлъэ кьытехуам ещхьуи и Іэр фІехуэхьыжаш».

Перевод на русский язык:

«В тот вечер свекровь сама накрыла по-своему воскресный стол, даже поставила графин с первачом. На столе хватало всяких угощений. Старуха долго стояла в углу на коленях, шепча молитвы и крестясь. Сослан и Зиля ждали. Наконец, уставши, отмолившись, старуха села за стол, налила в стаканы.

– Да хранит вас господь, перекреститесь и ешьте, – сказала она. Сослан тремя сложенными пальцами коснулся лба, плеч, груди, и поднял свой стаканчик. Зиля сидела, глядя под стол.

– Руки что ли тебе жалко, не обижай мать, – шепнул ей Сослан. Старуха услышала, недовольным голосом обратилась к Зиле:

– Уж если вошла в семью, будь добра, делай что положено. Знала, куда идешь!

Зиля посмотрела на Сослана. Потом сжала три пальца, как будто собиралась сейчас лук сжать, подняла руку, да нескладно у нее вышло. Рука словно сама собою вниз опустилась.

– Не могу, – призналась Зиля, глядя с мольбой на мужа».

Здесь мы применили вольный способ перевода: «Все сделаю, и за труд не считаю, постираю, обошью твою мать, подам на стол, слова поперек не поставлю, скажет, намекнет только, побегу, угожу, но избавьте меня от того, к чему я не привыкла.

Старуха вмешалась, сказала:

– А мне твои услуги ни к чему. Благодарение богу, все в его милостивой воле, покамест сама еще могу поднести ложку к своему рту, не калека... – И с укором глянула на сына, всегда ей послушного, давно устрешенного и приведенного к вере, сказала, наставляя и поучая: – А ты уши не развешивай! Слишком много она у тебя воли берет, куда это годится! Ты глава, столб семьи, на твоих плечах дом держится. Понимать надо. Да не забывать».

Зиля посмотрела на мужа. А он склонил голову перед старухой, промолчал...».

Заметим, что в данном случае возможность использования в переводе не шаблонных решений вносит элемент подлинного творчества в переводческий труд. Совершенно одинаковые по лексике обороты переводятся по-разному в зависимости от жанровых особенностей текста. Здесь нужно внести некоторую ясность: следует различать буквальный или дословный перевод, что часто смешивают. Дословный перевод состоит в передаче структуры предложения без изменения конструкции и без существенного изменения порядка слов. В тех случаях, когда русское предложение имеет структуру аналогичную кабардино-черкесскому, и ее можно использовать без нарушения грамматических норм и логического хода мысли, дословный перевод допустим. Трудно возражать против дословной передачи таких предложений, как, например: «АфIэкIа схуэхьы-жынукъым, ма-э, емыкIу сыкъьумыщI!..» «– Я больше не могу, не могу!». При дословном переводе на русский язык получится: «Я больше не могу вынести это, не смейся надо мной!». Другое дело – буквальный перевод, всегда приводящий или к искажению мысли подлинника, или к нарушению норм кабардино-черкесского языка. Вот буквальный перевод: «Я больше не могу нести, не стыди меня!». На русском непонятно: Что нести?

Следовательно, вполне понятный и легко воспринимаемый кабардино-черкесский текст далеко не всегда может переводиться дословно. Вот характерный пример: «Сыт лажэ мыгъуэ кэхъуар? – Что стряслось?». При всей легкости понимания этот текст не поддается дословному переводу. Во-первых, из-за несоответствия структуры членов предложения и естественному ходу мысли на русском языке. В переводе пропущено «лажэ мыгъуэ» – фразеологизм, которому в русском сложно подобрать адекватное выражение. И потому не представляется возможным сохранить кабардино-черкесскую структуру предложения в переводе. Куда проще пропустить вводные слова «лажэ мыгъуэ».

С тем, чтобы внести ясность в отношении свекрови к невестке Зиле, этот текст значительно расширен на русском языке вольным способом перевода. Отношение мужа Сослана к всей этой ситуации и его позиция по отношению к жене и матери были неясны. При переводе мы постарались эту неясность устранить.

Все это убедительно свидетельствует о том, что для четкого и полного перевода мысли прежде всего необходимо правильно понять и перевести связанные смысловые группы слов, составляющие эту мысль. Следовательно, при оценке перевода надо учитывать не только то, насколько верно переведено все предложение, абзац, текст в целом, но и то, насколько точны найденные переводчиком частные решения: распространение текста, добавление или сокращение предложений и т.д. Передача только общей мысли, общей нити повествования может привести к парафразе, адаптации, пересказу и т.д., что никоим образом не соответствует переводу в строгом смысле слова.

Источники и литература

1. Алхасова С.М. Становление и развитие художественного перевода в кабардинской литературе. Нальчик: издательство КБНЦ РАН, 2006. С. 8–9; 44.
2. Белинский В.Г. Избранные сочинения литературной хрестоматии, М., 1971, Т. 1. С. 295.
3. Борис Мазихов. Икона. Новелла. // Мэзыхэ Борис. Мазэхэ жэщ. Новеллэхэр. Повесть. «Эльбрус» тхылъ тедзапIэ. Налшык, 1975, 159 с.
4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. С. 134–135.

**THE USEFULNESS OF LANGUAGE AND STYLE
IN THE TRANSLATION OF BORIS MAZIKHOV'S STORY «THE FACE OF GOD»**

Alkhazova Svetlana Mikhaylovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhaz55@mail.ru

In the previous work, we noted that «the translator must be fluent in the original language (native language), as he is in constant contact with the language of a stranger, and at every step he is tempted to calcify the forms of this language» [1, 8–9]. Historically, there is often a perception and assimilation of foreign language forms. This applies to many translations of prose from Russian into Kabardino-Circassian.

«But the invasion of alien forms, occurring in a period of constant relationship with another language, as a rule, entails the distortion and disappearance of the natural forms of the native language» [1, 44]. It happens that, forgetting about the richness and multicolour of the native language, the translator for accurate transmission of thought refers to a foreign language and at the same time complains about the lack of appropriate means of expression in the native language. Some researchers believe that the invasion of foreign language elements develops and enriches the language, and prove that the penetration of new ideas and concepts is accompanied by the introduction of these new elements. This is certainly the case. But we should not forget that the development of language is due to the internal capabilities inherent in the language itself, by identifying their own forms and their skills, and not by copying or calculating other people's forms. The task of the author is to identify: what is the unit of translation in this case: the spirit of the work or its lexical and semantic series, depending on the theoretical approach to that.

Keyword: Translation, original, calculus, ideological and thematic content, Kabardino-Circassian literature.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-59-64